

ЯПОНИЯ: ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ПОСЛЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

© 2019 Д. СТРЕЛЬЦОВ

DOI: 10.31857/S032150750007656-3

В статье ставится вопрос о том, как проведенная четверть века назад политическая реформа повлияла на электоральное поведение японцев и на избирательные стратегии политических партий и насколько успешными можно назвать по прошествии четверти века результаты этой реформы. Автор приходит к выводу о том, что смешанная избирательная система Японии создает меньше внутрипартийной конкуренции и усиливает партийное начало в электоральной политике. На решение избирателя влияют субъективные факторы, и, прежде всего, сложившийся в голове избирателя на базе информации СМИ имидж партии и ее лидеров, а также его личная оценка партийных программ и предвыборных манифестов.

Ключевые слова: Япония, электоральная реформа, «плавающие голоса», популизм, электоральная мобилизация

JAPAN: A QUARTER CENTURY AFTER THE ELECTORAL REFORM

Dmitry V. STRELTSOV, Dr.Sc. (History), Head, Department of Afro-Asian Studies, MGIMO-University; Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (d.streltsov@inno.mgimo.ru)

The paper addresses the problem of long-term consequences of the electoral reform in Japan held a quarter-century ago. The author tries to give an answer to the question, how the reform influenced the electoral behavior of the Japanese and the electoral strategies of political parties. The author insists that the mixed electoral system of Japan encourages less inner-party competition and strengthens the party-first principle in electoral politics. The electoral decision of the voter is influenced by subjective factors, namely, by the image of the party and its leaders formed in his head on the basis of mass media coverages, and also by his personal assessment of party programs and the election manifestos.

However, the substance of the inter-party rivalry, namely the struggle of party programs and slogans, attracts attention of a limited groups of voters. This is due to the fact that the deideologization of politics has led to marginalization of differences in the approaches of parties to the main problems of social life. For this reason, the political struggle is largely image-based: the parties are fighting for the most favorable image in the minds of the «median voters». At the same time, party brands are largely formed by the aggressive PR policy of parties, which are intensively using populist slogans, as well as attractive images of their leaders.

Lowering share of «solid votes» and a gradual departure from the paternalistic type of consciousness contribute to growing skepticism of voters towards political parties, to their apolitism and absenteeism, which lead to a steadily low voter turnout.

Judging by the weak electoral results of the opposition, which is still going through a period of reorganization, in the recent elections, the Japanese voters are largely conservative and do not wish drastic changes. Obviously, electoral behavior in the future will strongly depend on the imagiological features of the political parties and their leaders, shaped by various media technologies.

Keywords: Japan, electoral reform, «floating voices», populism, electoral mobilization

Большое внимание привлекает к себе электоральная система современной Японии. Сложившаяся в 2010-е гг. конфигурация политической власти, в которой Либерально-демократическая партия (ЛДП) занимает устойчиво доминантную роль, заставляет задуматься о причинах возрождения системы однопартийного правления, которая, казалось бы, уже навсегда ушла в историю после распада в 1993 г. «системы 1955 года».

Многие исследователи задаются закономерным вопросом о том, в какой степени электоральные успехи нынешней администрации С.Абэ можно отнести к особенностям нынешней избирательной системы в высший законодательный орган страны. Эта система была продуктом эволюционного развития на протяжении всего XX века, хотя базовые демократические принципы были внедрены в нее только в послевоенный период. Однако ее современное состояние является результатом политической реформы, проведенной в

1994 г. семипартийной коалицией реформаторов, которой удалось на непродолжительное время отправить ЛДП в оппозицию.

Институциональные, юридические и политические характеристики системы выборов в парламент Японии достаточно хорошо описаны в профильной литературе [1; 2; 3]. В настоящей статье попытаемся осветить вопрос о том, как проведенная четверть века назад политическая реформа повлияла на электоральное поведение японцев и на избирательные стратегии политических пар-

СТРЕЛЬЦОВ Дмитрий Викторович, д.и.н., зав. кафедрой востоковедения, МГИМО-университет МИД России. РФ, 119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76; вед.н.с. Центра японских исследований, ИВ РАН. РФ, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12 (d.streltsov@inno.mgimo.ru)

тий, и насколько успешными можно назвать по прошествии четверти века результаты этой реформы, если соотнести их с первоначальными замыслами ее инициаторов.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ РЕФОРМА 1994 ГОДА

Следует напомнить, в чем состояли основные причины проведенной в 1994 г. реформы электорального законодательства, касающегося выборов в нижнюю палату парламента. По старой системе палата представителей избиралась на основе 130 т.н. «средних округов», от каждого из которых избиралось от 2 по 5 депутатов. Главной ее проблемой было то, что она не способствовала межпартийной конкуренции и создавала питательную среду для персональной ориентации японского электората.

Кандидаты ЛДП в значительной степени полагались на т.н. «твердые голоса», формируя когорту преданных себе лично избирателей: например, в конце 1980-х гг. 47% избирателей заявляли, что имели персональные контакты с кандидатами [4]. В реализации этих контактов консервативным политикам помогали «общества поддержки» - личные политические структуры, которые, как правило, включали профессиональный штат сотрудников, через которые проводилась связь депутатов с их округом. Основная часть политической деятельности депутатов парламента приходилась на различные представительские мероприятия: они активно посещали свадьбы и похороны, раздавали подарки, устраивали лекции и пикники, выступали на выпускных церемониях. Нередко их даже специально вызывали для разрешения частных споров.

При этом личные связи с избирателями политика были настолько значимыми в системе взаимоотношений ЛДП с электоратом, что выключение того или иного консервативного политика вследствие его отставки или кончины создавало брешь в этой системе. Поэтому округ передавался «по наследству» детям или родственникам уходящего в отставку политика. Например, в 1983 г. 38,4% всех мест в ЛДП были переданы от отца к сыну [4]. В Японии формировались целые политические династии.

Для получения гарантированной поддержки избирателей на выборах политики использовали возможности политического лоббирования. Они тратили основную часть своего времени на обеспечение для своих за государственный счет округов дорогостоящими «подарочными законопроектами» - проектами инфраструктурного развития (строительство автомобильных дорог, тоннелей, мостов, объектов жилищно-коммунального хозяйства и т.д.). Дождь бюджетных инвестиций подпитывал местную экономику и тем самым

«подкупал» избирателей, даже если они не во всем соглашались с политикой правящей партии. При этом политические установки правящей партии большого значения не имели - избиратели руководствовались в основном мнением местных авторитетов, на которых они во многом перекладывали ответственность за свой политический выбор.

Многие исследователи особенно подчеркивают, что японская модель избирательного поведения была встроена в «приходскую политическую культуру». В отличие от США с их эффектом «друзей и соседей», когда местные интересы вторичны по отношению к политической партии, в Японии партии являются вторичными по отношению к местным интересам [5].

В январе 1994 г. семипартийной коалицией во главе с тогдашним премьер-министром М.Хосокава был проведен пакет законов о политической реформе. Реформы были призваны стимулировать формирование новой крупной политической партии, которая могла бы не просто соперничать с ЛДП в парламенте, но и периодически сменять ее у власти. Реформаторы, которыми являлись вышедшие из ЛДП политики, стремились к созданию в стране модели двухпартийной системы вестминстерского типа. В рамках этой системы электоральный процесс определяется межпартийным соперничеством, характеризуемым борьбой между политическими платформами (манифестами) политических партий.

Проведенная в 1994 г. реформа отменила «средние округа», на смену которым была введена смешанная избирательная система, в которой существуют одномандатные («малые») округа и округа пропорционального представительства (ОПП), где голосование идет по партийным спискам. В «малых округах» в палату представителей тогда избиралось 300 депутатов, в ОПП - 180. Поскольку округ становился одномандатным, кандидат теперь должен был заручиться официальной поддержкой своей партии, тогда как ранее такого одобрения не требовалось, а выдвижение и проведение избирательных кампаний депутатами ЛДП, на протяжении почти четырех десятилетий занимавшей доминантное положение в парламенте, проводились по личной инициативе и на личные же средства самих политиков (многие из них даже проводили избирательную кампанию в качестве «независимых» депутатов и вступали в ЛДП только после победы на выборах).

При этом кандидат получил возможность одновременно баллотироваться и в одномандатном округе, и в ОПП. Это позволяло ему в случае неудачи в одномандатном округе иметь возможность избраться в парламента через ОПП. Следует учесть, однако, что на сегодняшний день в нижней палате на 289 мандатов в одномандатных округах

приходится только 176 мандатов ОПП. Тем не менее, одновременное баллотирование в обоих типах округов практикуют в общей сложности от 70 до 80% кандидатов [6].

Такая практика предоставила дополнительные возможности для разворачивания межпартийной конкуренции в масштабе «малого округа». Участие в выборах «раскрученных» и достаточно известных в общенациональном масштабе кандидатов от оппозиции, пусть даже не имеющих шансов победить действующего депутата, приносило немалые дивиденды представляемой им партии, которая тем самым получала в данном округе дополнительные голоса избирателей. К тому же если кандидат проходил в парламент через ОПП, проиграв в «малом округе», в последнем он считался «псевдопобедителем» и мог в полной мере использовать там свой статус действующего депутата парламента для укрепления позиций своей партии. Такая система позволяла, таким образом, повысить показатели оппозиционной партии на выборах по партийным спискам, используя «побочный эффект» одновременного выдвижения.

Следует учитывать, что депутат парламента Японии имеет ряд существенных привилегий, включая оплату за счет государственного бюджета трех личных секретарей, а также неограниченные бесплатные поездки между Токио и местным округом. Поэтому кандидаты, прошедшие через ОПП, оказываются в лучшем положении, нежели другие кандидаты, не имеющие статуса действующего депутата парламента, в налаживании своих связей с местными избирателями. По некоторым подсчетам, оппозиционные партии могут существенно увеличить свою долю голосов по итогам голосования в ОПП только за счет выдвижения и проведения активной избирательной кампании на выборах в «малом округе» - от 2,0% до 4,7% [7].

Хрестоматийным примером здесь является Коммунистическая партия (КПЯ). Традиционно КПЯ выдвигает кандидатов почти во всех одномандатных округах, хотя, например, за весь период с 1996 по 2017 гг. она смогла победить в «малом округе» только 4 раза. Эта, казалось бы, безнадежная электоральная стратегия была успешной в том смысле, что КПЯ тем самым обеспечивала себе через округ пропорционального представительства стабильное представительство в парламенте.

Особенностью новой избирательной системы стало также то, что избиратель имеет два отдельных бюллетеня для голосования - в одномандатном округе и ОПП, и поэтому может «разбить» свой голос, голосуя за разные партии в этих округах. Это позволяет избирателям сохранить преданность «своему» политику и, вместе с тем, выразить недовольство представляемой им партией, проголосовав за ее конкурента в ОПП. Электо-

ральный выбор нередко делается не только исходя из партийных предпочтений избирателя, но и на базе интерпретации им конкретного электорального контекста (оценки им личности конкретного кандидата, отношения к партийному лидеру, политике данной партии и т.д.).

Подобное разнонаправленное голосование, в свою очередь, способствует фрагментации партий и дифференциации партийного пространства, а также повышает вероятность создания парламентских коалиций.

ДАЛЬНЕЙШИЙ ХОД ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

В ходе избирательной реформы 1994 г. было «нарезано» 300 одномандатных округов с примерно равным числом избирателей. Однако урбанизация и сокращение численности электората одномандатных округов, расположенных в аграрных районах страны, привели к существенной разнице в «цене голоса» избирателей (количества избирателей на один депутатский мандат) в разных округах (в аграрных округах, соответственно, она была выше). Главную проблему составляло здесь то, что от изменения соотношения в «цене голоса» неизменно выигрывала правящая ЛДП, которая имела наиболее сильные позиции именно в сельских районах. После нескольких исков Верховный суд страны в марте 2011 г. постановил, что результаты выборов, проведенных при более чем двукратном превышении «цены голоса» между наиболее контрастными по этому показателю округами, противоречат конституции [8].

Чтобы выдержать это соотношение, японские законодатели пошли по пути слияния наименее населенных одномандатных округов и, соответственно, уменьшения их общего количества, а также изменения границ округов с целью обеспечить требуемое соотношение. В конечном счете, число одномандатных округов сократилось с 300 в 1994 г. до 289 в 2017 г. Последнее крупное изменение произошло в 2017 г., когда путем слияния были ликвидированы 6 одномандатных округов в наименее населенных префектурах. Сокращениям тогда же подверглись и ОПП: по одному месту потеряли 4 из 11 региональных блоков, в которых проходят выборы по пропорциональной системе. В результате, с момента проведения реформы нижняя палата парламента сократилась на 15 мест - с 480 до 465.

Что касается выборов в палату советников, где избирательным округом является префектура, политическая реформа 1994 г. их напрямую не затронула. Однако в силу изменения численности населения префектур разница в цене голоса достигла более чем пятикратной отметки, что опять-таки дает немалые преимущества, в свою очередь,

правлящей ЛДП, имеющей сильные позиции в малонаселенных префектурах. На выборах 2016 г. ЛДП, наконец, уступила давлению оппозиции и согласилась создать 2 новых избирательных округа путем слияния наименее населенных префектуральных округов - в одном случае это были префектуры Тоттори и Симанэ, в другом - префектуры Коти и Токусима [9].

Одним из шагов в рамках электоральной реформы стало также снижение возрастного ценза активного избирательного права. В 1945 г., когда в стране было принято всеобщее избирательное право, право голоса на выборах любого уровня получили все граждане страны по достижении ими 20-летнего возраста, который в Японии считается возрастом совершеннолетия. Пересмотр закона «О выборах государственных должностных лиц» в 2016 г. снизил возрастной ценз до 18 лет.

Первые же выборы в нижнюю палату в 2017 г., в которых приняли участие новые возрастные категории избирателей, показали, что явка среди 18- и 19-летних граждан была ниже среднего по стране (32% для 19-летних, 50% для 18-летних при общей явке 53,2%) [10; 11]. При этом политический выбор молодежи оказался даже более консервативным, чем в среднем по стране: основная их масса проголосовала за ЛДП. Иными словами, более высокая явка молодежи оказывается более выгодной для ЛДП, чем для оппозиции.

Крупным изменениям подверглись нормы и правила финансирования выборов. Корпоративные пожертвования было разрешено направлять только в адрес партий, но не отдельных политиков, партии же получают субсидии из государственного бюджета в соответствии со своими электоральными успехами на последних выборах. В результате, именно партийное руководство стало контролировать процесс выдвижения кандидатов, что в случае с ЛДП поставило политиков низового уровня в большую зависимость от партийной верхушки и ослабило внутрипартийную конкуренцию.

В свою очередь, это ударило по «партикулярной» электоральной политике, в центре которой стоят интересы отдельных узких групп отдельных избирателей, а также различных профессиональных и производственных ассоциаций, «продающих» голоса своих членов в отдельном округе в обмен за присылаемые из центра бенефиции. Партиям как субъектам электорального процесса пришлось переориентироваться на медианных избирателей, а острие электоральных процессов оказалось направленным на гораздо более широкие общественные потребности, выходящие за рамки конкретного избирательного округа.

Вместе с тем, местное начало избирательных кампаний сохранилось в достаточной мере. До 1994 г. кандидату требовалось, в среднем, око-

ло 20% голосов, чтобы гарантировать победу на выборах в многомандатных округах. Теперь же в одномандатных округах кандидату для гарантированной победы стала необходима поддержка около 50% голосов. Однако в переводе на абсолютные цифры избирательной поддержки это означало, что задача по сбору голосов практически не изменилась: при старой системе средний кандидат, чтобы быть уверенным в победе, должен был иметь базу поддержки в 107 тыс. избирателей, при новой системе - 117 тыс. избирателей [2, р. 67]. Поэтому традиция неформальных контактов политиков с потенциальными избирателями сохранила свою значимость, хотя политики, как отмечалось выше, стали апеллировать к гораздо более широкому слою избирателей.

Законодательными основаниями для таких контактов являются положения закона о выборах публичных должностных лиц и иных законодательных актов, по которым политическая деятельность (*сэйдзи ундо*) может проводиться и вне периода избирательных кампаний любого уровня, тогда как «электоральная деятельность» (*сэнкё ундо*) жестко ограничена официальным периодом избирательных кампаний, составляющим от одной до трех недель перед выборами [12].

Поскольку почти половина депутатских мест стала выбираться по партийным спискам, реальную возможность для получения парламентского представительства в парламенте через ОПП получили малые партии. Это, в свою очередь, привело к повышенной динамике партийного строительства в 1990-е - 2010-е гг., когда новые партии постоянно возникали и самоликвидировались, объединялись и вступали в коалиции. Поддержка малых партий оказывалась неопределимой при проведении важнейших законопроектов (это, например, наглядно проявилось в период правления ДПЯ в 2009-2012 гг., когда правящая партия в условиях нестабильного большинства в нижней палате оказалась в сильной зависимости от своих партнеров по коалиции).

Дифференциация субъектной базы партийно-политического пространства сопровождалась идеологизацией и узкой детализацией политической повестки дня. Если в период «системы 1955 года» политический процесс диктовался логикой идеологического противостояния консервативной ЛДП и левых партий, то в постбиполярный период противостояние между партиями приобрело ситуативный и конъюнктурный характер, нередко ограничиваясь конкретным пунктом электоральной борьбы. Например, в нынешних условиях правящий блок - в лице ЛДП и партии Комэйто - рассчитывает на поддержку Партии обновления по вопросу об изменении конституции, хотя по многим прочим вопросам эта оппозиционная партия занимает отличную от ЛДП пози-

цию (в частности, по вопросам дерегулирования и местного самоуправления).

Деидеологизация предоставила партиям оппозиции, традиционно разделенным идеологическими барьерами, гораздо большую свободу рук для координации электоральных действий. Например, в 2017 г. все партии оппозиции, включая КПЯ (Конституционно-демократическая партия, Партия надежды, Партия обновления и Социал-демократическая партия/СДП), впервые достигли соглашения относительно координации действий на выборах в нижнюю палату парламента, в соответствии с которым в одномандатных округах выдвигался единый кандидат от оппозиции, противостоявший ЛДП. Например, если в 2013 г. кандидаты оппозиции, действуя разрозненно, смогли победить только в 2 из 29 одномандатных префектуральных округов на выборах в палату советников, то в 2016 г., заключив электоральное соглашение, - уже в 11 из 32 таких округов (на выборах в 2019 г. - в 10 округах).

С другой стороны, усиление партийного начала в избирательных кампаниях привело к тому, что партийные манифесты стали играть на выборах гораздо большую роль, несмотря на очевидную их деидеологизацию. Уловив дух времени, ЛДП в 2000-е гг. (особенно в период правления кабинетов Коидзуми) стала отходить от ставки на политику клиентелизма, основанную на мобилизации электората одномандатного округа за счет получения бюджетных вливаний в округ, и выдвигать броские лозунги, получившие отклик в электоральных массах. Например, в 2001-2006 гг. Коидзуми успешно использовал лозунги структурной реформы, приватизации почтовой корпорации, кардинальной реформы ЛДП и т.д. Во многом на популистских обещаниях в социальной сфере был основан электоральный успех Демократической партии (ДПЯ) в 2009 г. Умело использует на выборах лозунговый стиль общения с электоратом и С.Абэ: в числе его слоганов - «активность ста миллионов», «курс абэномики», «общество сияющих женщин» и т.д.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЯПОНЦЕВ

Сложившийся в Японии феномен персонально-ориентированного партийно-индифферентного электората предполагает, что избиратели голосуют не за партию, а за кандидата. Голоса таких избирателей традиционно относят к «твердым», т.е. не зависящим от политической конъюнктуры, когда избиратель приходит голосовать при любой погоде и любых иных условиях, выражая свою лояльность в отношении конкретной партии или политика. Именно подобный тип избирателя характерен для электората идеологических партий периода «системы 1955 года». В современных же ус-

ловиях к «твердым» можно отнести электорат Коммунистической партии и партии Комэйто.

Особый интерес вызывает когорта приверженцев Комэйто, материнской организацией которой является необуддистская секта Сока гаккай. Именно наличие у этой секты солидного слоя приверженцев (от 5 до 15% в каждом «малом округе») служит для ЛДП очевидным аргументом в пользу коалиции с Комэйто, несмотря на наличие между ними существенных идеологических расхождений.

Тех же, кто меняет свои пристрастия от выборов к выборам, обычно относят к категории «плавающих голосов». Эти избиратели не являются твердыми сторонниками определенного политика, не аффилированы с определенной партией, а их политический выбор продиктован субъективной оценкой сложившейся в момент выборов ситуации.

Рост «плавающих голосов» (*мутаха со*, или *сэйто наси сидзи со*, букв. - «беспартийные избиратели», «избиратели, не поддерживающие ни одну из политических партий») стал наблюдаться в Японии еще с начала 1960-х гг. До конца 1980-х гг. доля «плавающих голосов» выросла примерно с 10% до примерно трети всех избирателей [13].

Этот характерный для Японии феномен не был уникальным: процесс «делоализации» электората, т.е. его отхода от преданности определенной политической силе, наблюдался в тот же период и в других странах Запада. Особенностью Японии явилось то, что в 1990-е гг., когда в стране началась активная перестройка партийно-политического пространства, его темпы резко ускорились: к январю 1995 г. число «независимых» избирателей превысило 50% [13]. Разочарование избирателей правящей ЛДП способствовало дезертирству из нее законодателей и формированию новых партий. В настоящее время именно «беспартийные» голоса избирателей составляют самый большой сегмент японского электората.

Можно выделить несколько причин высокой флуктуации избирательных настроений по отношению к политическим партиям.

С одной стороны, институт политических партий в Японии, в отличие от Запада, изначально возник в середине XIX в. не как инструмент протеста дискриминируемого меньшинства против произвола власти, а как инструмент удержания власти правящей элитой.

С другой стороны, в японском социуме на протяжении всей новейшей истории не происходило социальной стратификации, например, по национальному, расовому, гендерному, конфессиональному и иным признакам, которая позволила бы партиям формировать когорты лояльных себе избирателей по признаку выделения ими собствен-

ных специфических интересов, нуждающихся в политическом представительстве. Отсутствие традиционных социальных расколов, таким образом, явилось одним из факторов, затрудняющих формирование прочной базы социальной поддержки политических партий в стране [14].

Кроме того, партийная дифференциация в Японии не имеет достаточно продолжительной исторической традиции, в связи с чем оказалась затруднена и идентификация избирателей по признаку ими поддержки отдельной партии. Консолидация партий в стабильные и хорошо организованные структуры произошла только в середине 1950-х гг.: именно тогда произошло формирование т.н. «системы 1955 года», при которой практически все консервативные партии были слиты в Либерально-демократическую партию (ЛДП), тогда как левые силы объединились под крышей Социалистической партии Японии (СПЯ). Вскоре после этого появились «партии третьего пути», что позволило дифференцировать партийно-политическое пространство на нескольких уровнях идеологической ориентации. Относительно стабильная партийная система просуществовала лишь около 20 лет, а после краха «системы 1955 года» в 1993 г. она вновь вступила в этап реорганизации.

Относительная непродолжительность на фоне мирового опыта истории многопартийной системы в Японии, возможно, способствовала тому, что привязанность избирателей к политическим партиям носит достаточно поверхностный характер. В этом японская традиция принципиально отличается от американской или британской, в которых верность партийному знамени воспитывалась на протяжении нескольких поколений избирателей.

Стоит также напомнить о том, что с окончанием холодной войны традиционный водораздел идеологической дифференциации партий по отношению к внешнеполитическим вопросам («социализм» - «капитализм», «прогрессивные силы» - «консерваторы») стал неработоспособным. Именно эти водоразделы обеспечивали на протяжении нескольких десятилетий ось политической конкуренции между ЛДП и ее основным соперником - СПЯ, которые представляли собой основные политические силы страны вплоть до начала 1990-х гг.

С началом постбиполярной эпохи подобное противостояние утратило какой-либо смысл: все основные партии (кроме КПЯ), в целом, придерживаются общей позиции на необходимость капиталистического пути развития, защиты частной собственности, никто не отрицает и значение альянса с Америкой. Отличия между партиями наблюдаются только на неидеологическом уровне. К тому же размыванию идеологических различий способствовало и распространение ценностей по-

требительского общества, затруднявшее идентификацию классовых интересов различных социальных страт.

Ослаблению партийной аффилиации избирателей и усилению «плавающей» компоненты их сознания способствовала также политическая реформа. Выше уже говорилось о том, что эта реформа привела к ориентации партий на медианного избирателя: в одномандатных округах кандидаты должны учитывать более широкие общественные интересы, чем это было ранее. Кроме того, избиратели стали меньше поддаваться клиентелистским технологиям, ориентированным на организованные интересы узких групп избирателей.

Если традиционная технология «окучивания» избирателей заключалась в том, чтобы побудить их поддерживать правящую партию косвенными методами, через поддержку отдельного ее представителя, то с началом постбиполярной эпохи голос избирателя, по идее, должен напрямую идти в зачет партии как таковой. Именно партийные платформы, оперирующие понятиями «государственной политики» как таковой, а не отдельных проектов с бюджетным субсидированием, по идее, должны были бы стать в этих условиях наиболее важным средством привлечения голосов избирателей.

Однако парламентские выборы в Японии проводятся существенно чаще, чем в прочих странах. Короткий горизонт планирования в связи с постоянной необходимостью готовиться к очередным выборам заставляет партии основные усилия направлять не на выработку проектов долгосрочной государственной политики, а на создание привлекательного имиджа в глазах избирателей.

В стране вырос существенный слой политически ангажированных избирателей, которые скрупулезно изучают партийные программы и с «аптекарской точностью» подсчитывают, какие из предвыборных обещаний правящая партия выполнила, а какие нет. Они готовы «мстить» партиям за невыполнение ими предвыборных обещаний - достаточно вспомнить уроки правления Демократической партии, которую избиратели, голосовавшие за нее в 2009 г., тремя годами позже жестоко «наказали» за неудачу с повышением детских пособий и отменой платы за пользование автомобильными хайвеями, а также за провальную внешнюю политику.

С другой стороны, все больше избирателей проявляют откровенное равнодушие к политической сфере, не проявляя никакого интереса к выборам. После ухода ДПЯ в оппозицию в 2012 г. в стране наблюдалась небывало низкая явка избирателей в связи с тем, что две основные партии - ЛДП и ДПЯ - в представлении многих избирателей так и не смогли разработать и осуществить достойную и заслуживающую доверия политику.

Так, выборы в палату представителей 2014 г. зарегистрировали самый низкий показатель явки в послевоенную эпоху, высоким был уровень абсентеизма и на выборах в палату представителей в октябре 2017 г., составивший 39% [15].

Появление разнообразных по форме и содержанию средств массовой информации, включая коммерческие наземные вещательные компании, кабельное телевидение, а также Интернет, предоставило избирателям возможность получать информацию и мнения по самому широкому кругу проблем. Например, телевидение впервые сыграло решающую роль на выборах в нижнюю палату в 1993 г., когда реформаторы провели агрессивную телеагитацию в пользу политической реформы. В ответ на эту агитацию крупные телестанции запустили новый стиль программ в стиле телешоу, где политика переплеталась с элементами развлечения [17].

Роль телевидения в формировании политических взглядов избирателей видна из опроса, посвященного выборам в 2014 г. в нижнюю палату парламента: 63,2% респондентов ответили, что телевидение является для них наиболее важным источником политической информации, за которым следуют газеты (23,2%) и интернет (7,2%) [16, р. 114]. Осознавая значение медиа, все политические партии стараются использовать любые возможности, включая не только телевидение, но и социальные сети, манга и даже косплей, особенно популярные среди молодежи [17].

В то же время неадекватное или недостаточное информирование общества о политике правительства в значительной степени способствует снижению уровня доверия к правящей коалиции. Эта проблема особенно остро встала после фукусимской катастрофы 11 марта 2011 г., когда неумелые и запоздалые действия правительства усилили недоверие к правящей ДПЯ и ускорили падение ее власти.

Фокусируя свое внимание на политическом поведении партийных лидеров, телевидение и иные виды медиа существенно повысили роль и место этих лидеров в электоральных практиках. Персонализация партийного образа через образ партийного лидера приводит к тому, что избиратель оценивает партию по поведению как самого лидера, так и членов партийного руководства.

Убедительным подтверждением этой истины стало правление Дз.Коидзуми в 2001-2006 гг., который впервые активно задействовал популистский ресурс в 2001 г., победив на выборах председателя ЛДП благодаря голосам местных партийных организаций. На выборах в верхнюю палату в 2001 г. и на выборах в нижнюю палату в 2005 г. именно наблюдавшаяся в обществе «лихорадка Коидзуми» стала важнейшим фактором победы ЛДП.

Как обратный пример, можно привести краткосрочные кабинеты ЛДП в 2006-2009 гг., особенно период правления кабинета Таро Асо (2008-2009), непопулярность которого в обществе (уровень поддержки его кабинета упал до однозначных цифр) явилась одной из основных причин сокрушительного поражения ЛДП на выборах 2009 г.

После возвращения к власти в 2012 г. Синдзо Абэ умело использует популистский ресурс. Каждые выборы в парламент становятся для него плебисцитом по вопросу о доверии к себе лично. Для многих же кандидатов ЛДП, особенно из числа начинающих политиков, не имеющих собственных «обществ поддержки», электоральный успех в округе все в большей степени определяется популярностью их партийного лидера.

Другим способом мобилизации избирателей стало включение в партийные списки ОПП женщин и представителей некоторых социальных меньшинств, о выдвижении которых еще несколько десятилетий назад не могло идти и речи. Например, ДПЯ уже после поражения на выборах 2012 г. пыталась перезапустить в глазах избирателей образ «обновленной партии» через имидж своего нового председателя Рэнхо Мурата: молодая и обаятельная депутат-полукровка, отец которой тайванец.

Необычайный успех популиста Коидзуми многие связывают с тем обстоятельством, что он не чурался образа разведенного мэверика-одиночки (в традиционном же японском обществе развод однозначно порицался). А в составе верхней палаты парламента образца 2019 г. впервые оказалось два инвалида-колясочника и один открытый гей - депутат от Конституционно-демократической партии Тайга Исикава, впервые за всю историю японского парламента не скрывающий своей нетрадиционной сексуальной ориентации [18].

ВЫВОДЫ

Итак, со времени проведения в 1994 г. избирательной реформы прошло уже более четверти века. Принятие смешанной избирательной системы было ответом на кризисные явления в политическом мире: коррупционные скандалы, нарастающее в обществе недовольство политическими партиями, кризис традиционных методов электоральной мобилизации. Свою роль также сыграла деидеологизация политической сферы на фоне окончания холодной войны, а также крах «экономики мыльного пузыря», который вверг страну в длительную стагнацию.

Можно прийти к однозначному выводу о том, что смешанная избирательная система Японии явно создает меньше внутрипартийной конкуренции, чем при старой системе, и одновременно спо-

собствует конкуренции между партиями. Однако содержательная сторона межпартийного соперничества, а именно - борьба партийных программ и лозунгов - привлекает внимание только ограниченных групп избирателей. Деидеологизация политики привела к тому, что различия в подходах партий к основным проблемам общественного бытия приобрели несущественный характер. По этой причине политическая борьба во многом становится соревнованием имиджей: партии борются между собой за то, чтобы в сознании «медианного избирателя» их образ был более благоприятным по сравнению с конкурентами. В этом смысле голосование за партийный бренд во многом заменил голосование за личность. При этом партийные бренды в значительной мере формируются агрессивной пропагандистской политикой партий, все активнее использующих в своем арсенале популистские лозунги, а также привлекательный образ своих лидеров.

Что касается японских избирателей, то сокращение доли «твердых голосов» и постепенный отход от патерналистского типа сознания способствуют усилению скептицизма в отношении политических партий, росту аполитизма и абсентеист-

ских настроений, которые ведут к устойчиво низкой явке избирателей, составляющей в последние годы около 60%. Характерными чертами нового поколения избирателей стали непредсказуемость их электорального выбора, который может отличаться от случая к случаю, а также ограниченная возможность воздействовать на них с помощью «персонализированных» методов, основанных на профессиональных, общинных и территориальных связях.

Судя по слабым электоральным результатам оппозиции, которая по-прежнему переживает период реорганизации, японские избиратели в массе своей консервативны и не желают резких перемен. Доля голосов, получаемая старыми (системными) партиями, стабильно более высока, чем у новообразованных партий. К тому же новые партии, как правило, имеют ограниченный успех только на первых выборах после своего появления; на последующих выборах избиратели, как правило, теряют к ним интерес. Очевидно, электоральное поведение в дальнейшем будет сильно зависеть от имиджевых характеристик партий и их лидеров, формируемых различными медиатехнологиями.

Список литературы / References

1. Curtis G.L. Election Campaigning Japanese Style. New York, Columbia University Press, 1971.
2. Christensen R. The New Japanese Election System // Pacific Affairs. 1996, Vol. 69, No. 1, pp. 49-70.
3. Стрельцов Д.В. Избирательная реформа в современной Японии // Восток (Oriens). 2012, № 4, с. 62-70. (Streltsov D.V. 2012. Electoral reform in contemporary Japan // Vostok (Oriens). № 4) (In Russ.)
4. Kreuzer M. Electoral mechanisms and electioneering incentives // Party Politics, 2000, vol. 6, № 4, p. 492.
5. Hirano S. Electoral Institutions, Hometowns, and Favored Minorities: Evidence from Japanese Electoral Reforms // World Politics. 2006, Vol. 59, No. 1, p. 59.
6. Miura M. Persistence of Women's Under-Representation // Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds). Japan Decides 2017. The Japanese General Election. Palgrave Macmillan, 2018, p. 186.
7. Nemoto K. Party Competition and the Electoral Rules // Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds). ... p. 181.
8. Elections in Japan: logistics, turnout, campaigns, voter patterns and hereditary seats - <http://factsanddetails.com/japan/cat22/sub146/item1783.html> (accessed 10.08.2019)
9. Weighing Vote Disparity in Japan's Upper House - <https://www.nippon.com/en/in-depth/a04401/weighing-vote-disparity-in-japan%E2%80%99s-upper-house.html> (accessed 10.08.2019)
10. Shinzo Abe secures strong mandate in Japan's general election - <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/22/shinzo-abe-secures-strong-mandate-in-japans-general-election> (accessed 10.08.2019)
11. Pekkanen R., Reed S. Japanese Politics Between 2014 and 2017: The Search for an Opposition Party in the Age of Abe // Pekkanen R., Reed S., Scheiner E., Smith D. (eds). ... p. 19.
12. Tkach-Kawasaki L. POLITICS@JAPAN. Party Competition on the Internet in Japan // Party politics. 2003, vol. 9, № 1, p. 110.
13. Noble G. The Decline of Particularism in Japanese Politics // Journal of East Asian Studies, 2010, № 10, p. 259.
14. Kawashima I., Yoshito I. The instability of party identification among eligible Japanese voters // Party Politics, 1998, vol. 4, № 2, p.154.
15. Solis Mireya Japan's consolidated democracy in an era of populist turbulence - https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/FP_20190227_japan_democracy_solis.pdf, p.14 (accessed 10.08.2019)
16. Mishima K. 2019. The Presidentialization of Japan's LDP Politics: Analyzing Its Causes, Limits, and Perils // World Affairs. Spring, p. 113.
17. Japanese political parties woo young voters with manga, social media and cosplay - <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/07/12/national/politics-diplomacy/japanese-political-parties-woo-young-voters-manga-social-media-cosplay/#.XVFwUJmZagR> (accessed 10.08.2019)
18. More women, disabled members make debut in Japanese parliament - <https://www.reuters.com/article/us-japan-politics/more-women-disabled-members-make-debut-in-japanese-parliament-idUSKCN1UR3S5> (accessed 10.08.2019)